**ДЕМЬЯНЕНКО
Александр
Николаевич**

Доктор географических
наук, профессор, главный
научный сотрудник

Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**DEMYANENKO
Alexander
Nikolaevich**

Doctor of geography,
professor, chief researcher

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

demyanenko@ecrin.ru

УДК 332 + 911.6

**ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЙОНИРОВАНИИ
И РАЙОНООБРАЗОВАНИИ**

Районная концепция, зародившаяся в географии ещё в первой половине XIX в. и со временем приобретая междисциплинарный характер, обеспечивает результативность поиска единства в разнообразии форм организации экономической деятельности. И если принять, что экономический район отличается целостностью как в экономическом, так и в территориальном отношении, то это означает, что районирование должно стать необходимым элементом стратегического анализа. Более того, следует признать, что в РФ, экономическое пространство которой отличается высоким уровнем неоднородности, государственная экономическая политика обречена быть районной.

*Районирование, экономический район, территориальное
разделение труда, Дальний Восток России*

**ON ECONOMIC REGIONALIZATION
AND FORMATION OF REGIONS**

The regional concept which originated in geography in the first half of the XIX century and, over time, acquired an interdisciplinary character ensures the effectiveness of the search for unity in the variety of forms of organization of economic activity. And if we accept that an economic region is distinguished by its integrity, both economically and territorially, this means that zoning should be a necessary element of strategic analysis. Moreover, it should be recognized that in the Russian Federation, whose economic space is characterized by a high level of heterogeneity, the state economic policy is doomed to be regional.

*Regionalization, economic region, institutes of regional
development, territorial division of labor, Russian Far East*

© Демьяненко А.Н., 2018

Введение

Появление очередной новации в отношении Дальнего Востока, а именно указа Президента РФ № 632¹, в соответствии с которым в состав ДФО передаются из состава СФО Забайкальский край и Республика Бурятия, побудило автора в очередной раз² обратиться к «вечно зелёной» теме: что есть экономическое районирование, районообразование, и как они соотносятся друг с другом.

При этом автора интересуют не столько теоретические и методологические аспекты экономического районирования и районообразования, сколько прикладные, то есть каким образом изменение конфигурации границ региона и местоположения его столицы³ (или столиц) влияет на развитие региональной экономики и благосостояние населения, проживающего в регионе. Иначе говоря, в центре внимания – анализ управленческой практики последних лет в сфере государственного регулирования экономики Дальнего Востока. При этом автор никоим образом не ставил себе целью дать всесторонний обзор институтов развития Дальнего Востока либо сколько-нибудь детально рассмотреть состояние теории экономического районирования. Цель, которую я ставил себе, была много скромнее: привлечь внимание коллег к возможностям теории экономического районирования для выявления и оценки (в самом общем виде) разнообразия пространственных форм организации экономической деятельности⁴.

Это, в свою очередь, определило круг вопросов, подлежащих обсуждению: место экономического районирования в исследовании современного экономического пространства; территориальное разделение труда (ТРТ) и районообразование; наконец, экономическое районирование в системе государственного стратегирования.

Экономический ландшафт Августа Лёша

Для начала попробуем определиться с терминами и начнём с того, что районирование бывает разное. Но если мы ограничимся только экономическим районированием, то в этом случае придётся признать, что есть, как минимум, два качественно различных подхода в понимании и того, что есть экономический район, и того, что есть экономическое районирование, которые можно обозначить как «экономический» и «географический». Что касается первого из них, то, несомненно, своего рода отцом-основателем его следует признать А. Лёша, идеи которого не только оказали большое, если не определяющее влияние на становление пространственной экономики, но не потеряли своего значения до настоящего времени⁵.

¹ Указ Президента РФ № 632 от 3 ноября 2018 г. «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утверждённый Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849».

² Так как автор на протяжении своей научной карьеры неоднократно обращался к этой теме [6; 8; 9; 10; 11; 13; 20], то это обстоятельство предоставляет возможность не останавливаться сколько-нибудь подробно на тех сюжетах, которые в них были рассмотрены, и ограничиться соответствующими ссылками. Что же касается массива публикаций, посвящённых различным аспектам районирования, то, даже ограничившись работами отечественных авторов, следует признать его труднообозримым. Поэтому приведённый в данной статье библиографический список не претендует на исчерпывающую полноту.

³ Упоминание о переносе региональных столиц вовсе не случайно: уже в ходе подготовки данной статьи появился указ Президента РФ № 716 от 13 декабря 2018 г. о переносе центра ДФО из Хабаровска во Владивосток. Увы, но мне нечего добавить к тому, что было сказано в статье «Сколько столиц нужно Дальнему Востоку?» [12] относительно переноса региональных столиц в целом и на Дальнем Востоке в частности.

⁴ Современные исследователи [3; 27; 28], отмечая немалые возможности теории экономического районирования в исследовании территориальной организации экономики и общества в целом, как правило, сходятся в том, что, во-первых, необходим критический анализ работ прошлых лет, во-вторых, экономическое районирование отошло на «второй» план. А уход экономического районирования «в тень» есть не более чем следствие затяжного кризиса, в котором находится экономическое районирование в последние десятилетия в нашей стране.

⁵ Конечно, у него были предшественники. Это и И.Г. Тюнен, и В. Лаунхардт, и А. Вебер, и ещё целый ряд экономистов и географов, упоминаемых им в своей главной книге [18]. Но как бы не был интересен этот сюжет, оставим его, так как он может увести нас далеко от заявленной темы. Ограничимся ссылкой на [20].

Итак, прежде всего зафиксируем одно крайне важное положение, касающееся места теории районирования: «промежуточное положение между теорией размещения отдельных предприятий и общей теорией размещения занимает теория экономических районов» [18, с. 30]. Эта теория имеет дело исключительно с экономическими факторами, она пренебрегает различиями в природных, социальных и политических условиях¹. Иначе говоря, А. Лёш в своём видении теории экономического района (и, в конечном счёте, теории пространственной экономики) отказывается от рассмотрения как природного, так и социального контекста².

Более того, для А. Лёша нет никакой другой экономики, кроме той, в которой в качестве механизма координации экономических агентов выступает рынок. То есть экономика «выше» и «ниже» рынка его просто не интересует.

А следовательно, экономический район или экономический ландшафт рассматривается им исключительно в контексте рыночной экономики. Поэтому не случайно экономический ландшафт определяется А. Лёшем как система рыночных сетей. При этом имеет место достаточно чёткое разделение экономических ландшафтов на те, которые представляют собой «идеальный тип экономического ландшафта», и реальные экономические ландшафты или районы, которые «больше всего отличаются от упрощённой теоретической схемы» [18, с. 207]. И тем не менее А. Лёш считает, что «...в этом хаосе реальной действительности, бесспорно, можно безошибочно распознать основную схему экономических районов» [18, с. 207]. Опираясь на полученные им теоретические выводы, он приходит к пониманию того, что для возникновения экономических ландшафтов достаточно использования «преимуществ, связанных с широким местным спросом и густой сетью путей сообщения» [18, с. 207]. Но при этом он считает, что «экономический ландшафт может образоваться также благодаря природным и национальным особенностям, свойственным данной территории» [18, с. 207]. И хотя в тексте нет прямого указания на то, что следует понимать под «национальными особенностями», анализ контекста даёт основание предположить, что речь идёт о социальных условиях в широкой трактовке.

И ещё два аспекта лёшевского понимания природы экономического района, о которых следует упомянуть в контексте данной статьи. Первый может быть сформулирован следующим образом: существуют три типа экономических районов: простые рыночные зоны, районные сети и районные системы. И именно «в этой последовательности они усложняются, становятся более самостоятельными в экономическом отношении, но, к сожалению, и значительно более редкими» [18, с. 209]. Что можно интерпретировать следующим образом: экономические районы или, точнее, экономические ландшафты – не единственная форма пространственной организации экономики, более того, они достаточно редки, даже если речь идёт о достаточно зрелых экономиках рыночного типа.

Другой аспект, о котором следует помнить, анализируя теорию экономических районов А. Лёша, сформулирован им следующим образом: «Экономический ландшафт – это система различных рынков, целый организм, а не отдельный орган» [18, с. 209].

¹ При этом А. Лёш делает одну существенную оговорку: «учёт факторов, исключаемых из рассмотрения, вполне вероятно, изменил бы картину, но не мог бы совсем обесценить её» [18, с. 30].

² Показателен в этой связи следующий фрагмент из его монографии: «Из всех факторов, которые могут создать экономический район, мы выберем фактор экономический. Мы будем рассматривать рыночные зоны, которые возникают не в результате каких бы то ни было различий в природной среде или государственном устройстве, а в итоге взаимодействия чисто экономических сил, одна часть которых направлена на концентрацию, а другая – на рассредоточение. К первой группе должны быть отнесены все преимущества, обусловленные специализацией и массовым производством; ко второй – экономия на транспортировке и выгоды, связанные с многоотраслевым производством» [18, с. 115].

Итак, подведём промежуточный итог. По А. Лёшу, теория экономического района – органическая часть теории пространственной экономики¹. Но экономики рыночной, к тому же достаточно зрелой, в которой только экономические факторы запускают механизмы формирования экономических районов.

Но в реальной действительности механизмы формирования районов могут, по мнению А. Лёша, иметь и неэкономическую природу, то есть иметь как природный, так и социальный характер.

Однако в самом тексте монографии, как, впрочем, и в предшествующих ей статьях, мы не найдём ни примеров, ни теоретических построений относительно того, каким образом влияние природных и социальных факторов формирует экономические районы. И вряд ли это должно вызывать удивление, ведь А. Лёш в своей работе опирался на материалы и результаты исследований по странам Западной Европы (Германии в первую очередь) и США. То есть по странам, где трудно найти сколько-нибудь обширные территории, для которых типичны тундровые, таёжные, пустынные и иные ландшафты с экстремальными условиями для проживания пришлого населения, да ещё и заселённые народами, отличными от европейцев.

Районная концепция на российской почве: немного истории

А теперь самое время перейти к рассмотрению второго подхода к экономическому районированию, обозначенного нами как географический подход, который предполагает, что экономические районы следует выделять и понимать, учитывая не только экономические, но и природные, и социальные факторы. И сразу же зафиксируем: именно этот подход характерен для отечественной школы пространственной экономики и экономической географии. К тому же, и это следует отметить особо, районирование в России – это нечто большее, чем просто научная концепция и аналитический инструментарий, позволяющий выделить целостные по заранее определённым критериям пространственные системы. Это ещё и инструмент территориальной организации общества и его отдельных подсистем (экономической, социальной, политической, духовной и т.п.); без территориального (регионального) среза (аспекта) не обошлось практически ни одно сколько-нибудь значимое решение в совсем недавнем советском прошлом.

Для того чтобы понять, как мы дошли до жизни такой, следует обратиться к истокам, то есть к работам первой четверти XIX в. И здесь много было бы о чём поговорить: и о первых попытках экономического районирования России, предпринятых В.К. Арсеньевым и К.Ф. Германом, и о работах П.П. Семёнова². Но можно, идя вслед за П. Джеймсом и Дж. Мартином, ограничиться перечислением характерных черт российской географии. Первая из них – нацеленность на изучение «районов как основы для организации географических исследований» и убежденность, что «районы представляют собой реальные целостности, которые поддаются объективному определению» [14, с. 321]³.

¹ О пространственной экономике и вкладе А. Лёша в её становление см. [20].

² Авторская позиция относительно развития теории и практики экономического районирования достаточно подробно изложена в [13].

³ Показательно, что до настоящего времени жив миф, согласно которому «для советской географии проблема объективности района приобрела громадное значение по многим причинам, в том числе и в силу причин сугубо идеологических» [25, с. 7]. Знакомство с изданиями ИРГО тех лет свидетельствует, что уже в XIX в. в среде отечественных исследователей сложилось представление об объективности экономических районов. Представление, которое, по мнению Е.Е. Лейзеровича (и не только его), есть «...краеугольный камень экономического районирования как учения» [17, с. 9].

При этом «изучение этих районов подчинялось практическим целям»¹.

Но была ещё одна отличительная черта российской географии, во всяком случае, в её классический, «семёновский» период: «к ней продолжали относить множество, по сути, разных дисциплин» [14, с. 321].

Среди целого ряда причин, определивших перечисленные выше специфические черты отечественной географии в рассматриваемый период её истории, есть одна, на которой следует хотя бы кратко остановиться. Я имею в виду деятельность Императорского Русского Географического общества (ИРГО), которое на протяжении более чем полувека объединяло в своих рядах как учёных, причём самых различных специальностей (от астрономов до этнографов), так и представителей властных и предпринимательских структур. Цель же исследований, организацией которых занималось ИРГО (нередко совместно с Императорским Вольным Экономическим обществом) – всестороннее, комплексное изучение как вновь приобретаемых территорий, так и территории коренной России. Естественно, что на первый план выходили задачи описания, в том числе и экономики, причём, как правило, в природном и социальном контексте.

Ситуация коренным образом меняется в начале XX в., когда в России появилось целое созвездие таких учёных, как В.П. Семёнов-Тян-Шанский, А.И. Скворцов, А.Н. Челинцев, А.В. Чаянов, Д.И. Рихтер и др., благодаря которым был сделан качественный скачок в развитии теории, методологии и аналитическом инструментарии экономического районирования. Можно с полным основанием говорить о том, что именно в это время в России происходит становление соответствующей научно-исследовательской программы, первоначально в рамках географической науки, но затем и в смежных с ней областях знания (экономика, демография, социология, политология). Своего рода «твёрдым ядром» этой программы стала региональная или, иначе, районная концепция². Естественно, что за почти двухсотлетнюю историю районная концепция эволюционировала. Но её системообразующая идея или, иначе, «твёрдое ядро», если использовать терминологию И. Лакатоша, осталось неизменным.

В немногих словах речь идёт о том, что:

- во-первых, экономический район – это не только теоретический концепт, но и реально существующая пространственная экономическая система, результат действия ТРТ;
- во-вторых, факторы, формирующие экономический район, имеют всегда экономическую природу, но проявляется их действие всегда в конкретном природном и социальном контексте, что, в конечном счёте, находит отражение в специализации;
- в-третьих, экономический район, раз возникнув, эволюционирует, что находит отражение не только в изменении его территориально-отраслевой структуры, но и конфигурации границ; причём эволюция и отдельного экономического района, и системы взаимодействующих между собой районов, формирующих в конечном счёте национальное экономическое пространство, имеет нелинейный характер.

¹ И в этом случае приходится констатировать: до сих пор имеет хождение мифологема, согласно которой революционное районирование преследовало сугубо познавательные цели, а вот районирование советское было неразрывно связано с практикой и прежде всего с практикой планирования. Если бы авторы такого рода исследований взяли себе за труд ознакомиться с хорошо известными работами П.П. Семёнова-Тян-Шанского или Л.С. Берга по истории ИРГО, то вряд ли они стали настаивать на отсутствии связи теории экономического районирования с практикой.

² Хотя районная концепция как отклик на проблему поиска единства в разнообразии непосредственно связана с именами А. Гумбольдта и К. Риттера, она была не просто воспринята в России (многие российские географы обучались в Германии), но именно в России эта концепция получила развитие, став «визитной карточкой» отечественной географии.

Нетрудно заметить, что между теоретическими построениями немецкой и российской школ пространственной экономики относительно природы экономического района нет принципиальных расхождений. Но, несомненно, были и, риску предположить, остаются расхождения в деталях, акцентах, что отчасти обусловлено спецификой объекта исследования – российского экономического пространства, а отчасти – культурным контекстом¹.

И здесь будет уместным остановиться (по необходимости кратко) на рассмотрении того, что было привнесено в районную концепцию в советский период её истории. Пожалуй, самое главное заключается в том, что экономический район стал рассматриваться как объект государственного планирования. Об этом много написано разными авторами, поэтому я посчитал возможным привести несколько фрагментов из работ И.Г. Александрова, Б.Н. Книповича и Н.Н. Колосовского, сопроводив их кратким комментарием.

Итак, И.Г. Александров в 1921 г., будучи в тот момент руководителем подсекции районирования Госплана, писал: «Районная разработка позволяет установить теснейшую связь между природными ресурсами, навыками населения, накопленными предыдущей культурой ценностями и новой техникой и получить наилучшую производственную комбинацию, проводя, таким образом, с одной стороны, целесообразное разделение труда между отдельными областями, с другой – организуя область в крупную комбинированную хозяйственную систему, чем достигается очевидно наилучший хозяйственный результат» [2, с. 15].

Иначе говоря, для И.Г. Александрова было совершенно очевидно, что для такой огромной и разнообразной страны, как РСФСР, обеспечить эффективное управление народным хозяйством невозможно без разделения её на области, то есть экономические районы, которые в последующем стали обозначать как крупные или основные экономические районы².

А в основу этого разделения, то есть районирования, были положены два принципа: специализация районов и комбинированное построение производства. При этом следует обратить внимание на то, что система областей (экономических районов) изначально была ориентирована не столько на современное, сколько на будущее состояние экономики страны.

В 1924 г. И.Г. Александров, ещё задолго до начала работ по первому пятилетнему плану, приходит к следующим выводам относительно места и роли экономического районирования в системе государственного управления: «Район как производственная специализированная совокупность, допускающая глубокое комбинирование хозяйственных задач в нём, – такова формулировка метода построения экономического районирования, принятая в основу наших работ. Этот метод позволяет разделить государство на территории, выполняющие специальные функции в общем хозяйственном организме страны, т.е. создаёт государство как целый

¹ Здесь будет уместно вспомнить о К. Поланьи [21], который полагал, что «экономики вообще» не существует, так как у каждого общества есть свой способ организовать производство и потребление. Что же касается культурного контекста экономической теории, то этот сюжет детально и всесторонне рассмотрен в [5].

² Возможно, здесь следует уточнить: цитируемая мною работа И.Г. Александрова, скорее всего, представляет переработанную версию доклада «Об экономическом районировании РСФСР», представленного на заседании подкомиссии по районированию 19 сентября 1921 г. Среди полутора десятков участников этого заседания были П.С. Осадчий, А.Г. Коган, И.И. Федорович, Л.Л. Никитин, Л.Н. Юровский, М.А. Шателен, С.В. Бернштейн-Коган. Показательно, что участники заседания постановили: «1. Принять разделение России на экономические районы (области) ... важным с точки зрения организации народного хозяйства. 2. Признать также правильным сам метод разделения территории Республики. 3. Сеть районов Европейской России признать разработанной целесообразно. ... 4. Признать разделение полномочий между федеральным правительством и областными на основе отнесения к правам областей местного хозяйства, при условии сосредоточения всех общегосударственных и экономических задач в руках федерации, намеченных правильно» (РГАЭ, Фонд 4372. Оп. 15. Ед. хр. 1 (Протоколы заседаний Комиссии по районированию). Л. 30. Журнал № 28).

слитный хозяйственный организм, опирающийся в своей деятельности на сотрудничество производственных районов...» [1, с. 58].

Такой подход к районированию позволяет рассматривать само районирование и как предплановое исследование, результаты которого предполагают в конечном счёте декомпозицию общегосударственных целей по отдельным экономическим районам (областям).

Но такой план, по мнению И.Г. Александрова, «не может быть составлен в центре Союза... Центр и места при этом выполняют одну и ту же работу совместно как в области планирования, так и в самой хозяйственной деятельности...» [1, с. 73–74].

Итак, экономическое районирование в понимании И.Г. Александрова – это не только, а возможно, и не столько научная концепция, сколько аналитический инструмент, позволяющий придать рациональность государственному управлению экономикой. При этом экономический район представлял собой целостное в экономическом и территориальном отношении образование, при выделении которого принимались во внимание не только экономические, но и природные, и социальные факторы.

Если в работах И.Г. Александрова во главу угла ставились вопросы использования районной концепции применительно к задачам государственного планирования, то в работах одного из его сотрудников по секции районирования, Б.Н. Книповича¹, в центре внимания были вопросы методологии районирования.

Хотя последний вовсе не пренебрегал и такими сюжетами, как взаимоотношения между теорией и методологией районирования и практикой планирования. Так, в частности, им был сформулирован тезис, что «различие существующих условий влечёт за собой и различие направления будущего развития. Изучая район, мы не только можем характеризовать его прошлое, но до и известной степени предсказать тенденции будущего. ... Отсюда мы видим и связь экономического районирования, как научной проблемы, с текущей практической деятельностью» [15, с. 12].

Исследования, ориентированные на выявление и изучение разнообразия условий, при-
сущих тем или иным районам, в 1920-е гг. были поставлены на поток. Свидетельство тому – многочисленные «Материалы по районированию...» не только отдельных областей (то есть крупных экономических районов), но и отдельных округов, и отдельных низовых районов.

Но региональные комплексные исследования тех лет при всей их разнокачественности имели конечной целью задачи не столько познавательные, сколько прикладные. То есть «...установление районов и всестороннее изучение их являются необходимой предпосылкой и твёрдой основой экономической политики. В русских условиях всякая хозяйственная политика должна быть политикой районной» [15, с. 12].

При этом Б.Н. Книпович полагал, что «сама проблема административного деления, конечно, лишь слабо связана с задачами районирования – она может быть решена самостоятельно по соображениям чисто административным» [15, с. 14]. Хотя он всё-таки не отрицал, что совпадение административно-территориального деления и экономического районирования даёт большие преимущества.

Однако реформа административно-территориального деления 1920-х гг. в конечном счёте пошла путём, весьма далеким от принципов экономического районирования. И прав Б.Б. Родоман, когда пишет, что «экономическое районирование в СССР безуспешно пытались

¹ В августе 1921 г. Б.Н. Книпович был переведён из сельскохозяйственной секции Госплана в подкомиссию по районированию на должность постоянного консультанта (РГАЭ, Фонд 4372. Оп. 15. Ед. хр. 1 (Протоколы заседаний Комиссии по районированию). Л. 16. Журнал № 15).

сделать инструментом научно обоснованного директивного планирования» [22, с. 317]. Впрочем, справедливости ради следует признать, что недалеко от истины и утверждение Е.Е. Лейзеровича: «На короткое время административно-территориальное деление было приведено в соответствие сетке ЭР, и управление народным хозяйством стало осуществляться по районному принципу» [17, с. 7].

Действительно, короткое время и далеко не повсеместно имела место попытка построения системы управления народным хозяйством, которая опиралась на принципы экономического районирования. Как известно, всё свелось к централизации управления по отраслевому принципу и директивному планированию и, как следствие, к возврату к губерниям (хотя они теперь носили названия АССР, краёв и областей). Госплановские области превратились в крупные или основные экономические районы, которые были скорее единицами статистического учёта, более пригодными для целей обучения географии, чем для целей управления.

Здесь заметим, что проблема заключалась не в том, что плоха была теория и методология экономического районирования. Полагаю, что и в настоящее время теоретические построения и достаточно проработанный аналитический инструментарий экономического районирования будет не бесполезен.

В этой связи есть смысл ещё раз напомнить некоторые мысли о природе экономического районирования и о содержании самого понятия «экономический район» Н.Н. Колосовского. Начнём, пожалуй, с самого цитируемого тезиса последнего классика отечественной экономической географии: «Представление об экономическом районе является основным понятием экономической географии» [16, с. 48]. Да, в 1940-е и 1950-е гг. в нашем отечестве ещё была экономическая география. Но вот есть ли она сейчас? Скорее всего, нет. А если и появляются время от времени работы отдельных авторов по проблемам экономического районирования, то они явно не делают погоду в доме. К этим работам мы ещё вернёмся, а сейчас приведём ещё одну цитату из уже цитированной работы Н.Н. Колосовского: «Наиболее характерной чертой советского представления об экономическом районе является тесная связь науки и практики: понятие об экономическом районе, будучи исходным теоретическим представлением экономической географии как науки, является также важной частью производственно-территориальной структуры государства, имеющей практическое преобразовательное назначение» [16, с. 48].

Комментировать тут, в общем, нечего: всё понятно. Просто есть ощущение, что сейчас, в постсоветское время, было бы неплохо обратить внимание на то, что экономический район по-прежнему является важной частью пространственной структуры экономики России.

И ещё одна цитата: «Развитие идей стадийности приводит к необходимости введения в теорию экономического районирования понятия об энерго-производственных циклах. ... Использование методов циклов позволяет подойти на основании генетических признаков к сложной задаче типологии районов» [16, с. 51]. Той самой типологии, без которой трудно, если вообще это возможно, проводить эффективную региональную экономическую политику.

Также отметим, что разработка проекта экономического районирования, как свидетельствует отечественный опыт, крайне сложна. И не только в силу разнообразия территории России, но и в силу того, что при этом необходимо обеспечить междисциплинарный синтез¹.

¹ По этому поводу Н.Н. Колосовский писал следующее: «Научная разработка проекта экономического районирования весьма сложна. Предстоит обобщить выводы различных научных дисциплин...» [16, с. 53].

Современное состояние концепции экономического районирования в России

Теперь следовало бы остановиться на анализе современных тенденций в области теории и методологии экономического районирования, но, по большому счёту, это уже сделано В.Е. Шуваловым [28]. Конечно, в самое последнее время появилось некоторое количество работ [3; 4; 7; 8; 11; 24; 26], имеющих непосредственное отношение к проблемам экономического районирования. Но они опять-таки в общем и целом укладываются в те тенденции, которые были намечены В.Е. Шуваловым. Некоторые положения его работы, как и положения, сформулированные в упомянутых выше работах последних лет, носят, по моему мнению, дискуссионный характер. Именно на них и остановимся.

Но прежде хочу вслед за Е.Е. Лейзеровичем выразить убеждение в том, что «основные экономические районы и их сетка сохраняют своё значение в обозримой перспективе и переживут федеральные округа» [17, с. 10].

И убеждение это опирается на то, что «государственное управление остро нуждается в научном районировании, которое позволило бы дифференцировать принимаемые решения применительно к особенностям разных частей страны» [23, с. 19]. Вот только не ясно одно: государственная власть знает, что есть экономическое районирование? И если знает не вполне, то может быть потому, что и экономико-географы, и экономисты-регионалисты всё дальше уходят в своих изысканиях от тех принципов экономического районирования, которые были сформулированы в своё время И.Г. Александровым, А.Н. Челинцевым, Б.Н. Книповичем, Н.Н. Колосовским. Я вовсе не призываю слепо следовать «заветам» классиков, но и пренебрегать ими вряд ли разумно.

Экономическое районирование всё больше становится интегральным, и интегральность эта не есть отражение взаимодействия отдельных отраслей и видов экономической деятельности, а скорее результат экспансии географов в сферу социальных процессов и структур. Поэтому вовсе не удивительно читать такие предложения (или призывы?): «сегодня требуется не экономико-географическое, не экономическое, не физико-географическое, не экологическое, а комплексное географическое районирование» [7, с. 26]¹. И тогда возникает вопрос: а что, в настоящее время мы можем сказать, что уже есть научно обоснованное экономическое районирование страны?

Здесь, наверное, следует развести понятия «экономическое районирование» и «районирование общества» как сверхсложной системы, да к тому же помещённой в совершенно определённый природный контекст. И тогда возникает ещё один вопрос: какова цель такого рода районирования? В бесцельное районирование просто не верится. Учёт в ходе экономического районирования не экономических факторов – это одно, и понятно, для чего это нужно. Но пытаться объединить в одной сетке районов и экономику, и социальные отношения, и экологию, и ещё много чего – это, возможно, и благородная задача, но вряд ли дня сегодняшнего. Ибо трудно, если это вообще возможно, создать суперинтегральное районирование, не получив ясного представления о том, что есть экономическое районирование или районирование социальное и т.п.

¹ В уже упоминавшейся работе В.Е. Шувалова можно найти нечто близкое, а именно: «Интегральное районирование в СЭГ на современном этапе – это уже не экономическое, но ещё и не социальное в полной мере. Скорее всего, оно носит переходный характер; иногда его называют социально-экономическим, хотя в нём могут присутствовать элементы и политического, и культурного районирования (понимаемых, как подвиды социального районирования)» [28, с. 23]. Но и в этом случае остаётся вопрос: а почему не может быть просто экономического районирования?

И если есть действительно нерешённые вопросы методологического характера, актуальные в контексте пространственного развития современной России и её отдельных макро-регионов, то это, во-первых, соотношение между районированием физико-географическим и районированием экономическими и, во-вторых, проблема «выраженности» районов (если пользоваться терминологией Л.В. Смирнягина) и связанная с ней проблема «лакун».

Итак, по порядку: «Очевидно, в общем случае сетки природных и социально-экономических районов не просто не совпадают, а расходятся друг с другом ровно на «пол-шага», из-за чего их очертания постоянно пересекают друг друга. Значит, комплексность района превращается в большую методологическую проблему» [25, с. 8]. Опять-таки, если рассуждать не вообще, а применительно к современной России, то придётся признать, что вовсе нередки случаи, когда природные и экономические рубежи если и не совпадают, то близки по очертаниям. Дальний Восток или Сибирь, Урал или Северный Кавказ (перечень можно продолжить и на более низких иерархических уровнях районирования) – это и природные, и экономические территориальные системы.

При этом в пределах России можно обнаружить и территории, на которых сетки районов экономических и природных действительно расходятся. И поэтому методологическая проблема остаётся, и её следует обсуждать.

Что касается проблемы выраженности, то она в общем виде сформулирована Л.В. Смирнягиным следующим образом: «Районы сильно отличаются друг от друга по силе своей выраженности. Некоторые из них обладают особой яркостью (высоким модусом), их существование заведомо очевидно... С другой стороны, есть так называемые выморочные районы, которые образованы чужими для них границами соседних районов, а сами по себе не представляют какого-либо единства или своеобразия...» [25, с. 8]. Действительно, проблема есть, она была (достаточно вспомнить Вятско-Ветлужский район в первых сетках экономического районирования Госплана) и, скорее всего, будет. Вероятная причина тому – неравномерность в экономическом развитии районов, в том числе и смежных.

Следует ли рассматривать «слабые» районы как равноправные? Л.В. Смирнягин даёт отрицательный ответ, аргументируя его следующим образом: «"Слабые" районы" с низким модусом – первые кандидаты на распад, исчезновение или хотя бы на перемену границ» [25, с. 13]. Скорее всего, сам факт наличия в территориальной структуре экономики страны «слабых районов» – не более чем отражение динамики процессов районообразования¹, а в конечном счёте – изменений в системе ТРТ. Тот факт, что такие районы находятся в состоянии трансформации, предполагает особое внимание к ним при разработке мер государственной региональной политики.

Что же касается «лакун» в сетке экономических районов², то можно предположить, что они в условиях России просто неизбежны, во всяком случае, уже на мезоуровне районирования. Так, при районировании Дальневосточного макрорегиона [8] выяснилось, что «лакуны» весьма обширны даже в южной части макрорегиона, тогда как на севере они занимают территории, заметно превосходящие территории экономических районов мезоуровня³.

¹ И здесь автор согласен с мнением П.Я. Бакланова, что районообразование является процессом «многомерным, полиструктурным, изменчивым во времени и недостаточно изученным» [3, с. 26].

² Напомним, что «лакуна», по Л.В. Смирнягину, – «это промежуток между границами районов первого порядка, в котором находится район второго порядка» [25, с. 13].

³ И коль уж речь зашла о Дальнем Востоке, то рискну не согласиться с мнением Е.Е. Лейзеровича, что «...отсутствие необходимого минимума населения препятствует, на наш взгляд, напрашивающемуся разделению огромного Дальневосточного ОЭР...» [17, с. 10]. Конечно, с населением на Дальнем Востоке не густо, но почему при выделении экономических районов численность населения становится критическим параметром? Или всё-таки при выделении основных экономических районов должны учитываться масштабы территории, природно-ресурсный потенциал, положение в системе мирохозяйственных связей, наконец, перспективы экономического роста?

Вместо заключения

Хотя законы жанра требуют «Заключения», формулирование окончательных выводов и определение перспектив экономического районирования в России не были нашей целью. Поэтому здесь я посчитал возможным привести соответствующую месту цитату из статьи П.А. Минакира: «Реальная экономика, особенно экономика, функционирующая в больших и неоднородных пространствах, сочетает разнообразные типы и фазы развития. Стратегическое искусство как раз и заключается в том, чтобы максимально использовать преимущества, предоставляемые неоднородностью самого пространства и богатством форм его организации» [19, с. 17]. А для того, чтобы максимально использовать упомянутые преимущества, экономическое районирование – самый подходящий инструмент.

Список литературы

1. Александров И.Г. Основы хозяйственного районирования СССР. М.–Л.: Экономическая жизнь, 1924. 76 с.
2. Александров И.Г. Экономическое районирование России. М.: Госплан, 1921. 15 с.
3. Бакланов П.Я. О содержании и «смыслах» социально-экономического районирования // Географический вестник. 2018. № 3. С. 24–30. DOI: 10.17072/2079-7877-2018-3-24-30
4. Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т. Тихоокеанская Россия: основные факторы и направления долгосрочного развития // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России. М.: Кодекс, 2016. С. 595–618.
5. Бёгельсдейк Ш., Масселанд Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 464 с.
6. Вишневский Д.С., Демьяненко А.Н. Макроэкономическое зонирование как метод стратегического анализа: Дальний Восток России // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 6–31.
7. Горбанёв В.А., Кочуров Б.И. Проблемы территориального районирования России: национальные и международные аспекты // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 4. С. 23–54. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-23-54
8. Демьяненко А.Н. О декомпозиции экономического пространства в пределах Дальневосточного макрорегиона // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 2. С. 5–20. DOI: 10.14530/reg.2018.2.5
9. Демьяненко А.Н. Район как объект стратегического управления в контексте теории организации // Пространственная экономика. 2008. № 2. С. 60–88.
10. Демьяненко А.Н. Районирование в контексте стратегий регионального развития // Вестник ДВО РАН. 2006. № 3. С. 11–17.
11. Демьяненко А.Н. Российский Дальний Восток: становление экономического макрорегиона // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 5. С. 5–19. DOI: 10.14530/reg.2017.5
12. Демьяненко А.Н. Сколько столиц нужно Дальнему Востоку? // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 5. С. 5–11. DOI: 10.14530/reg.2018.5.5
13. Демьяненко А.Н. Экономическое районирование: вопросы теории и истории. Ч. I. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2010. 224 с.
14. Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. М.: Прогресс, 1988. 672 с.
15. Книпович Б.Н. Сельско-хозяйственное районирование. М.: Новая деревня, 1925. 192 с.
16. Колосовский Н.Н. Избранные труды. Смоленск: Ойкумена, 2006. 336 с.
17. Лейзерович Е.Е. Об основных экономических районах (макрорайонах) России // Региональные исследования. 2014. № 3. С. 4–11.

18. Лёш А. Географическое размещение хозяйства. М.: Иностранная литература, 1959. 456 с.
19. Минакир П.А. «Стратегия пространственного развития» в интерьере концепций пространственной организации экономики // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 8–20. DOI: 10.14530/se.2018.4.008-020
20. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
21. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.
22. Родоман Б.Б. География, районирование, картоиды. Смоленск: Ойкумена, 2007. 368 с.
23. Смирнягин Л.В. Методические подходы к районированию в общественной географии // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2011. № 6. С. 13–19.
24. Смирнягин Л.В. Региональная политика России как географическая задача // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России. М.: Кодекс, 2016. С.110–133.
25. Смирнягин Л.В. Узловые вопросы районирования // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2005. № 1. С. 5–16.
26. Трейвиш А.И., Литвиненко Т.В. Восточная Россия: уточнение понятия и некоторые особенности современного развития // Региональные исследования. 2014. № 3. С. 51–57.
27. Шувалов В.Е. «Бэкграунд» социально-экономической географии // Социально-экономическая география: традиции и современность. М.-Смоленск: Ойкумена, 2009. С. 320–339.
28. Шувалов В.Е. Районирование в российской социально-экономической географии: современное состояние и направления развития // Региональные исследования. 2015. № 3. С. 19–29.

References

1. Alexandrov I.G. *Fundamentals of Economic Division of USSR*. Moscow – Leningrad, 1924. 76 p. (In Russian)
2. Alexandrov I.G. *Economic Regionalization of Russia*. Moscow, 1921. 15 p. (In Russian)
3. Baklanov P.Ya. On the Content and «Meanings» of Social-Economic Regionalization. *Geograficheskiy vestnik* [Geographical Bulletin]. 2018. No. 3. Pp. 24–30. DOI: 10.17072/2079-7877-2018-3-24-30 (In Russian)
4. Baklanov P.Ya., Moshkov F.V., Romanov M.T. Pacific Russia: Main Factors and Directions of Long-Term Development. In: *Problems of Geography. Vol. 141: Problems of Regional Development of Russia*. Moscow, 2016. Pp. 595–618. (In Russian)
5. Beugesdijk S., Maseland R. *Culture in Economics: History, Methodological Reflections and Contemporary Applications*. Moscow, 2016. 464 p. (In Russian)
6. Vishnevskiy D.S., Demyanenko A.N. Macroeconomic Zoning as a Method of Strategic Analysis: The Russian Far East. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2010. No. 4. Pp. 6–31. (In Russian)
7. Gorbanyov V.A., Kochurov B.I. The Problem of Territorial Zoning of the Russian Federation: Domestic and International Aspects. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations]. 2018. No. 4. Pp. 23–54. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-23-54 (In Russian)
8. Demyanenko A.N. On the Decomposition of Economic Space within Far Eastern Macroregion. *Regionalistika* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 2. Pp. 5–20. DOI: 10.14530/reg.2018.2.5 (In Russian)
9. Demyanenko A.N. Region as an Object of Strategic Management in the Frame of the Organization Theory. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2008. No. 2. Pp. 60–88. (In Russian)
10. Demyanenko A.N. Regionalization and Elaboration of Regional Development Strategies. *Vestnik Dalnevostochnogo otdeleniya Rossiiskoy akademii nauk* [Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2006. No. 3. Pp. 11–17. (In Russian)

11. Demyanenko A.N. Russian Far East: The Formation of Economic Macroregion. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 5. Pp. 5–19. DOI: 10.14530/reg.2017.5 (In Russian)
12. Demyanenko A.N. How Many Capital Cities Does the Russian Far East Need? *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 5. Pp. 5–11. DOI: 10.14530/reg.2018.5.5 (In Russian)
13. Demyanenko A.N. *Economic Zoning: Questions of Theory and History. Part I*. Khabarovsk, 2010. 224 p. (In Russian)
14. James P.E., Martin G.J. *All Possible Worlds*. Moscow, 1988. 672 p. (In Russian)
15. Knipovich B.N. *Agriculture Regionalization*. Moscow, 1925. 192 p. (In Russian)
16. Kolosovskiy N.N. *Collected Works*. Smolensk, 2006. 336 p. (In Russian)
17. Leyzerovich E.E. On the Main Economic Areas (Macro-Regions) of Russia. *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies]. 2014. No. 3. Pp. 4–11. (In Russian)
18. Lösch A. *The Economics of Location*, Moscow, 1959. 456 p. (In Russian)
19. Minakir P.A. Spatial Development Strategy: A View from the Concepts of Spatial Organization in the Economy. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2018. No. 4. Pp. 8–20. DOI: 10.14530/se.2018.4.008-020 (In Russian)
20. Minakir P.A., Demyanenko A.N. *Essays of Spatial Economics*. Khabarovsk, 2014. 272 p. (In Russian)
21. Polanyi K. *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. S.-Petersburg, 2002. 320 p. (In Russian)
22. Rodoman B.B. *Geography, Regionalization, Cartoids*. Smolensk, 2007. 368 p. (In Russian)
23. Smirnyagin L.V. Methodical Approaches to Regionalization in Social Geography. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography]. 2011. No. 6. Pp. 13–19. (In Russian)
24. Smirnyagin L.V. Regional Policy of Russia as a Geographic Problem. In: *Problems of Geography. Vol. 141: Problems of Regional Development of Russia*. Moscow, 2016. Pp. 110–133. (In Russian)
25. Smirnyagin L.V. Key Issues of Regionalization. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of Russian Academy of Sciences. Series: Geography]. 2005. No. 1. Pp. 5–16. (In Russian)
26. Treyvish A.I., Litvinenko T.V. Eastern Russia: Clarification of the Concept and Some Specific Features of Modern Development. *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies]. 2014. No. 3. Pp. 51–57. (In Russian)
27. Shuvalov V.E. The Background of Socio Economic Geography. In: *Socio-Economic Geography: Traditions and Modernity*. Moscow–Smolensk, 2009. Pp. 320–339. (In Russian)
28. Shuvalov V.E. Regionalization in Russian Socio-Economic Geography: Development Directions. *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies]. 2015. No. 3. Pp. 19–29. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Демьяненко А.Н. Об экономическом районировании и районообразовании // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 6. С. 5–17. DOI: [10.14530/reg.2018.6.5](https://doi.org/10.14530/reg.2018.6.5)

For citing:

Demyanenko A.N. On Economic Regionalization and Formation of Regions. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 6. Pp. 5–17. DOI: [10.14530/reg.2018.6.5](https://doi.org/10.14530/reg.2018.6.5) (In Russian)